

YU ISSN 0350—185x
UDK 808

СРПСКА АКАДЕМИЈА НАУКА И УМЕТНОСТИ
И
ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ

ЛУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

LVIII

У р е ђ и в а ч к и о д б о р:

*др Даринка Горџан-Премк, др Ирена Грицкаји, др Милка Ивић,
др Александар Лома, др Александар Младеновић, др Мирослав Николић,
др Асим Пецо, др Слободан Ремейић, др Живојин Сџанојчић,
др Срећко Танасић, др Зузана Тојолињска, др Драго Ђујић, др Егон Фекејте*

Г л а в н и у р е д н и к:

МИЛКА ИВИЋ

БЕОГРАД
2002

мај 2002.

ТРИ КНИГЕ ЧАСОПИСА PALEOSLAVICA

1. Мурынов М. Ф. «Слово о полку Игореве» в контексте европейского средневековья. Вступительная статья и комментарии О. Н. Трубачева. Комментарии и послесловие А. Б. Страхова // *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Volume 4. Cambridge, Massachusetts, 1996. Editor: Alexander B. Strakhov.

Рецензируемую книгу, под которую отведен весь 4-й том «Палеославики», открывает вступление редактора О. Н. Трубачева «О XII веке и последующих веках», начинающееся размышлениями об эсхатологических умонастроениях жителей христианской Европы в конце первого тысячелетия от Рождества Христова и их сменой «греховной радостью бытия», после того как конец света так и не наступил (с. 7–8). Начавшийся период принес с собой Крестовые походы, раскол церкви, чудесные знамения и другие перемены, что позволяет автору охарактеризовать это время как *новое*. К XII веку сложился и корпус рыцарских преданий Западной Европы, которые трактуются здесь как «выход уходящей в глубь веков памяти», роднящей европейскую традицию со скифской, сарматской и аланской древностью. В центре внимания оказывается *меч* как явление материальной культуры и как символ, воплощающий идею рыцарства (с. 11–12).

Написанное в духе эссе вступление не является, как отмечает и сам автор, филологическим введением в текст М. Ф. Мурынова, его следует рассматривать скорее как свободные и не обязательно абсолютно непогрешимые рассуждения на заявленную в заглавии тему. Можно, например, поспорить с претендующим на универсальность наблюдением о том, что «всплески эсхатологических умонастроений и верований в близкий конец света ... присущи приверженцам старой веры, старых обрядов и принципиально несовместимы с новым» (с. 9), поскольку именно эсхатологические настроения были

свойственны раннему христианству, на заре нашей эры выступившему как раз в роли *нового*. Можно не согласиться и с другими обобщениями автора, однако ознакомление с этим введением полезно уже тем, что оно позволяет предвкусить основную характеристику мурьяновского текста — основывающуюся на широте ассоциаций *свободу* изложения, целью которого объявлено раскрытие символов эпохи.

Книга М. Ф. Мурьянова содержит авторское предисловие, 9 глав (фактически 10, поскольку формально завершающая глава под названием «Эсхатологическое» не является традиционным заключением), 2 экскурса и указатель имен. В предисловии автор очень кратко затрагивает три основные темы — колебания большевицких идеологов в их отношении к «Слову», вопрос о его подлинности и, наконец, катастрофическое положение дел с разбивкой и нумерацией стихов памятника («одни и те же специалисты издали текст четырёхжды ... и четыре разбивки текста на стихи не имеют между собой ничего общего» (с. 16)). Ставя в центр внимания последующего изложения задачу прояснения темных мест «Слова» (скромно охарактеризованную как «выборочные пробы»), автор настаивает на необходимости выхода за пределы узко понимаемой проблематики одного памятника и прочтения его «в широком контексте европейского средневековья» (с. 17).

В Главе 1-й «Копье Рюриковича», служащей хорошим образцом применяемого автором монографии подхода, предлагаются интерпретации следующих выражений «Слова» — *поле половецкое* (с. 19–20), *копие приломити* (с. 20–31) и *конец поля* (с. 29–31). Автор увязывает возникновение культа оружия у восточных славян с «воздействием культуры викингов» (с. 21); обращает внимание на соответствующее влияние христиански осмысленной византийской традиции (с. 21–22); привлекает сведения о соприкосновении славян со средиземноморской культурой оружия (с. 22–23); рассматривает собственные понятия Руси о символике копья и прежде всего обычай метания копья в сторону врага перед началом сражения, что, с одной стороны, унаследовано Рюриковичами из их скандинавской прародины, но, с другой стороны, имеет параллели и в классической древности (с. 23–24). Любопытен, но, возможно, излишен экскурс в область пушкиноведения (мнение поэта о данном темном месте, образ копья в его поэзии (с. 25–28)), равно как и разбор вариантов перевода этого темного места на современные языки (с. 28). Завершают главу рассуждения о феномене границы, рубежа; опираясь на мнение В. Н. Топорова о «границе», автор видит «в древнерусской семантике границы, конца, рубежа» — «сакральность, чувство святости» (с. 30). Это дает ему повод видеть в выражении «Слова» отражение «потреб-

ности вогнуть в ... преграду оружие — так, чтобы хрустнуло древко» (с. 31). Разумеется, эта интерпретация оказывается возможной лишь в результате семантической нейтрализации «конец» = «граница», против которой в примечании 54 возразил редактор.

Глава 2-я «Ночная мгла» посвящена семантическому анализу лексемы *мгла* и в особенности единственному случаю ее употребления для обозначения «плывущего по небу облака», что находит свои индоевропейские параллели (с. 38). Дальнейшие страницы отданы «выявлению ... архаического трепета перед мглой» (с. 38–40) и «функциям тумана» в художественном контексте «Слова» (с. 41). Семантику глагола в предложении *Прысну море полунощи* автор увязывает со значением этимологически родственного существительного *прыщ*, полагая, что этого сопоставления достаточно для «представления о грозно вздувшемся море» (с. 42). Далее фраза *идуть сморци мъглами* трактуется как «смерчи идут во множестве», «идет множество смерчей», поскольку автор приписывает лексеме *мъгла* значение «множество» по аналогии с многозначностью славянских лексем *тъма*, *туман* и греческого *το νέφος* «облако» и «множество» (с. 43). Вряд ли можно называть такой способ историко-семантического анализа «реконструкцией», как это делает автор.

В главе 3-й рассматривается художественный образ гнезда в «Слове», который имеет, в частности, «семантику добротности, положительного связующего начала между членами рода» (с. 47); особое внимание посвящено этому образу в христианстве (с. 48–49). Обращение к этимологии праславянского **gnězdo*, предложенной О. Н. Трубачевым, приводит автора к проблеме этимологизации лексемы **pizda* (с. 50–51). На вводя новых данных и не предлагая новых этимологических решений, М. Ф. Мурьянов не соглашается с этимологией О. Н. Трубачева, устанавливающего зависимость **pizda* от **sed-* «сидеть» (такая зависимость «была бы слишком прозрачна, лишала бы исконный 'краткий символ' женского тела какой бы то ни было эмоциональности» (с. 51). Разумеется, ни редактор, ни издатель рецензируемой монографии не преминули прокомментировать это место (прим. 26); первый — приведя аргументы в защиту своей этимологии, второй — фактически поддержав мнение М. Майрхофера, которое повторяет в своей монографии М. Ф. Мурьянов. Любопытная полемика развернулась между автором, редактором и издателем по поводу интерпретации немецкой фамилии *Scharnhorst* (с. 13, 50, 52, 56–57) и по вопросу о степени загаженности птичьих гнезд (с развернутыми экскурсами в область поведения удонов (с. 52, 55–56)). По логике автора, того факта, что «птицы содержат свои гнезда в чистоте», достаточно для опровержения предложенной О. Н. Трубаचे-

вым этимологии праславянского *gnězdo как формы, возникшей под воздействием формы и значения *gnojü (с. 51–52).

Экскурс «Из истории славянских цветообозначений», выдержанный, как и вся монография, в стиле свободных заметок по русской исторической лексикологии с привлечением «по аналогии» данных классических и западноевропейских языков и культур, страдает от практически полного отсутствия инославянских данных (не в счет, разумеется, две строчки о сербохорватском *сињи* на с. 69), что, естественно, в конкретном случае не позволяет удовлетворительно разрешить вопрос о значении таких выражений «Слова», как *синее вино*, *синие молнии*.

В главе 4-й ставится задача «при использовании восполняющих данных из других культур» (с. 79) установить «убедительные ассоциативные связи» для глагола *пригвоздити*, которые бы позволили удовлетворительно интерпретировать отрывок «Слова» *Того старого Владимира нельзя бы пригвоздити къ горамъ киевськимъ* (с. 78). В этих целях рассматривается «роль гвоздя в культовых отправлениях и в верованиях древнего Рима» (с. 80), и особенно ритуалы вколачивания гвоздя в Шумере (с. 80–81), том же Риме (с. 81), в Скандинавии (с. 81–82), а также упоминания гвоздя в Ветхом Завете (с. 82–83), что все вместе долженствует «прояснить сущность символа, спонтанно примененного русским поэтом» (с. 82). После рассуждений о династической политике Древней Руси (с. 83–86), автор переходит к реконструкции истории споров о целесообразности канонизации Владимира Святославича (с. 87–89), чтобы в итоге увидеть в подлежащем интерпретации отрывке «Слова» отражение именно этих споров. Фактически, нам предложено увидеть в интерпретируемом глаголе значение «канонизировать». Любопытно, что в комментариях издателя к этой главе особенно заметно, что сам издатель держит далеко не равную дистанцию по отношению к разным группам отечественных ученых (так, представителей школы Д. С. Лихачева можно прямо упрекнуть в невежестве (с. 84, примечание 34 на с. 93), в то время как к грубым промахам автора монографии отношение снисходительное (с. 79, примечание 14 на с. 91)).

В главе 5-й высказывается догадка о том, что выражение *Готскія красныя дѣвы* — результат неправильного прочтения рукописи «Слова» ее первыми публикаторами (с. 99). В главе 6-й М. Ф. Мурьянов трактует семантику лексемы *осмомысл*, исходя из подсчетов количества мыслей князя Ярослава в «Слове» (с. 103, ср. примечание издателя о «наивности» такого подхода, прим. 10 на с. 128–129), указывает на кальку с греческого *златокovaný* < *χρυσήλατος* (с. 105–106) и переходит к стиху *меча времени чрезъ облаки*, в котором

«открывает» для существительного время значение «мяч» (с. 120). Нежелание или сознательный отказ от обращения к данным сравнительной славянской лексикологии, к этимологическим словарям инославянских языков или к простому привлечению общедоступных инославянских словарей приводит автора к прямым ошибкам вроде утверждений о наличии лексемы *пучина* «из живых славянских языков ... только в русском» и к граничащему с комическим усмотрению «бездонного психологического потенциала» у значения этого слова «Раскольникове. Женские части» (с. 109–110). Не случаен тот факт, что практически каждая самостоятельная попытка М. Ф. Мурьянова предложить ту или иную славянскую этимологию или «открыть» то или иное обрядовое содержание термина находит аргументированные возражения издателя (*блинзеник* (с. 116, примечание 78 на с. 137); *обед* (с. 116, примечание 81 на с. 137–138); *тризна* (с. 123, примечание 128 на с. 143–145). Свобода ассоциативного мышления автора заставляет издателя как минимум один раз демонстративно дистанцироваться от предлагаемых умозаключений (с. 122, примечание 124 на с. 142).

Экскурс под названием «Древнерусские модели времени» открывается рассуждениями о феномене времени (с. 147–148), продолжается рассмотрением вопроса о правильном современном месте ударения в форме прилагательного в сочетании *Повесть временных лет* (с. 148–150) и упоминанием работы автора о Кирике Новгородце (с. 150–151), далее высказывается мнение о том, что этимологически славянское *время* — это «нечто вращающееся» (с. 153), рассматриваются славянские лексемы *шар* (с. 155), *тѣло* (с. 156), *сутки* (с. 157) и соответствующие последнему греческие эквиваленты (с. 158–161); как и в предыдущем разделе мнение автора обильно комментируется издателем.

Глава 7-я посвящена древнерусскому плачу (с. 169–186); 8-я интерпретации такого места в «Слове», как *Кликну, стукну земля* (с. 187–197); 9-я отрывку *Игорь князь поскочи горнастаемъ...* (с. 198–205). Во всех главах мы снова сталкиваемся с принятыми автором способами аргументации — допущением многозначности лексем одной языковой группы по аналогии с языками другой группы (с. 200) и гипотезами вроде «о верховенстве горностая ... в фауне художественного мира древних славян» (с. 201).

В последней главе интерпретируется сочетание *суд Божий* (с. 207–208) и, вслед за Л. А. Булаховским, предлагается предположить в тексте «Слова» слово *пытъць* «чародей, кудесник» (с. 208–210).

Несомненным достоинством монографии является привлечение широкой литературы по классическим европейским древностям и

западноевропейскому средневековью, широкий общенаучный и технический кругозор автора. Тем не менее, вряд ли убедителен основной метод автора, заключающийся в подборе «ассоциативных связей» при практически полном отказе от внутриславянского сравнения. Завершает публикацию послесловие издателя — А. Б. Страхова и список научных трудов М. Ф. Мурьянова.

2. *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Volume 5. Cambridge, Massachusetts, 1997. Editor: Alexander B. Strakhov.

Том рецензируемого журнала за 1997 год открывается статьей О. Н. Трубачева «Древние славяне на Дунае. Южный фланг (лингвистические наблюдения). II.» (с. 5–29), которая продолжает развивать известную гипотезу автора о дунайской прародине славян в полемике с ее критиками. Подчеркнув необходимость учитывать при лингвистической реконструкции данные культурноисторической типологии и рассматривать общеиндоевропейский этногенез как сумму частных индоевропейских этногенезов (с. 5), отослав читателя к первой части данной работы (доклад на XI Международном съезде славистов), автор переходит к изложению своих воззрений на «южную границу» древних славян. Так называемую проблему «Великой Моравии» предлагается решать с учетом того, что «Вполне возможно, что *Вышняя* Моравя указывает как раз на Юг, в связи с нахождением реки южной (сербской) Моравы в пределах исторической (римской) области *Moesia Superior*, Верхняя Мезия»; утверждается, что «речное название Моравя — *выразительно среднедунайский эндемик, все остальные Моравы разошлись отсюда*» (с. 7). Далее следует полемика с авторами «Свода древнейших письменных известий о славянах». Й. Поуликом, Й. Удольфом, а в дискуссии со З. Голомбом — указание на «особую этноязыковую специфику неславянских индоевропейцев, живших к северу от Судет и Карпат», о которой свидетельствуют топонимические параллели с балканским ареалом (в Карпатах — в Черногории, в Польше — в Албании и др.). «Нам известно даже, как назывался это реальный «третий» этнос, иллирийский по языковой принадлежности, длительное время разделявший северную часть славян и германские племена...: это были венеты» (с. 10). Польские гидронимы *Mogawa*, *Sawa*, *Dzawa* О. Н. Трубачев объясняет как импорт с дунайского юга. С одной стороны, обоснование основной гипотезы о Подунавье как исходном плацдарме всех славян требует, по мнению автора, доказательств о пребывании там также неюжных славян; такие факты есть — «это, кажется, (*lacus*) *Pelsonis* (Плиний, I

в. н.э.), о плесе Балатона ...; далее, эпиграфическое Dobrati (дат.п. ед.ч.), имя доброго божества, из Нижней Паннонии, на Дунае ...; *stravam Jord. Get.* «погребальный пир»... (с. 12–13). С другой стороны, автор говорит о ранних контактах славян на их южном фланге с балканскоиндоевропейскими языками — сербохорв. *ja-pad* ~ *Iapodes*, самое западное иллирийское племя, *Med-bara*, местность на Саве ~ античное *Metubarris*; **vьrtьpь*/**vьrtopь*, «красноречиво отсутствующее у славян к северу от Албании» (с. 13). Далее отвергается старая идея непосредственного соседства восточной части древнеюжнославянских и балтийских диалектов, а болгарские «балтизмы» объявляются вторичным отражением (заимствованием) соответствующих элементов субстратной фракийской лексики (с. 13). Напротив, выдвигаются аргументы в пользу гипотезы о контактах славян с древнеиталийскими племенами до ухода последних на юг (с. 14), затрагиваются вопросы культурно-языковых отношений славян и кельтов (с. 16). Такой «семантически зыбкий материал», как и.-е. названия деревьев, рассматривается на с. 19. Наиболее интересный для южнославистов раздел статьи посвящен вопросу «о понимании объема дунайскославянского», который открывает полемика с известной книгой Л. В. Куркиной, обходящей, по мнению О. Н. Трубочева, проблему крашованского диалекта. К сожалению, весьма поверхностное знакомство автора с сербохорватской диалектологией и невнимательное прочтение даже цитируемых в статье трудов по ней, приводит к ряду ошибочных утверждений. В их числе — что крашованский единственный из сербохорватских не знает количественных и качественных различий в вокализме, сохраняет «ять», мягкие зубные, инициальную группу *чр-*, архаичные окончания мн.ч. (с. 22). Поспешным кажется решение автора согласиться с И. Поповичем, который более 40 лет назад якобы «разгадал в сербизированном диалекте Западной Румынии маленький реликт прежде гораздо более обширного дакославянского» (с. 22). Следует добавить, что О. Н. Трубочев совершенно игнорировал работы М. Томича и М. Радана 1970–1990-х гг. о крашованском говоре. Завершают статью краткие обращения к лексическим данным дакославянского (с. 23) и рассуждения о славяно-иранских лексических отношениях (с. 24–26).

Статью Н. Труне «EX ARMENIA LUX: Konstantin-Kyrill und Mesrop-Mašt'oc'» посвященную изучению следов армяно-славянских связей, открывает обзор ранних употреблений названий *кириллица* и *глаголица* в славянской письменной традиции, причем первое обозначение, по всей видимости, было древним названием письма, изобретенного Константином, т.е. глаголицы (с. 31). После обсуждения связей этого алфавита с более древними и современными (с. 32)

и предположения о попытках христианизации славян как северных соседей Византии задолго до 9 века (с. 33), автор обращает внимание на необычность самого факта создания нового алфавита во второй половине 9 в. При этом бросается в глаза, что после 5-го века в связи с христианизацией Востока новые алфавиты уже не появлялись (с. 34) и что свое особое положение глаголица разделяет с тремя кавказскими алфавитами — армянским, грузинским и албанским (с. 35–36). Изобретение глаголицы в славянской традиции рассматривается как божественное откровение, данное в результате моления (с. 36), а на его воплощение отводится не больше месяца времени (с. 37); исторические же источники косвенно свидетельствуют о том, что Константин имел в своем распоряжении около года (с. 42). Далее Н. Трунте выражает несогласие с распространенным мнением о точном соответствии знаков глаголицы славянским фонемам (с. 38) и выдвигает два предположения — либо глаголица не так точно передает славянский инвентарь фонем, как это полагают (здесь автор полемизирует в основном, с Ф. Марешом и его школой (с. 44)), либо ее создатель опирался на более-менее готовый набор знаков, который лучше греческого передавал набор славянских фонем (с. 42). На с. 38–41 рассматривается история создания армянского алфавита, на фоне которой освещаются проблемы палеославистики (с. 44 и сл.). Выдвигается тезис о том, что те фонемы, которые не были знакомы Константину ни по греческому, ни по другим предположительно известным ему языкам (с. 45), не нашли убедительного представления в глаголице (с. 46). Рассматривается способ представления в глаголице носовых гласных (с. 46), йотированного редуцированного переднего ряда (с. 47), ряда согласных, в частности, звонких и палатальных (с. 48–49). Н. Трунте полагает, что Константин постоянно находился в кругу армян, оказывавших в то время большое влияние на жизнь как столицы империи, так и провинции; даже тезис о возможном армянском происхождении Кирилла вызывает у него сочувствие (с. 51). В любом случае, автор полагает возможным знакомство славянского первоучителя с армянским языком (с. 53): «Все славянские согласные фонемы, для которых Константин создал собственные знаки, существуют и в армянском языке, в то время как славянским фонемам, чуждым армянскому, нет соответствия среди знаков глаголицы» (с. 54); сходно положение дел и в области вокализма. Большое количество интересной информации и авторских мнений находим в примечаниях к этой интересной статье (так, например, любопытны рассуждения о причинах отказа от глаголицы при болгарском царском дворе и, наоборот, о ее сохранении в Македонии (с. 35, сноска 29); о славянских монахах в Малой Азии (с. 42, сноска 59) и др.).

«Лисицкие датированные рукописи конца XIV — первой половины XV вв. и проблема второго южнославянского влияния» — название тщательно выполненной статьи М. Г. Гальченко, посвященной периоду обновления репертуара древнерусской книжности, изменения облика и правописания древнерусских рукописных книг. Среди новгородских рукописей монастыря на Лисьей горе, основанного приблизительно в 1380-х гг., древнейшими рукописями со следами второго южнославянского влияния в графике и орфографии являются написанные в этом монастыре Паренесис Ефрема Сирина конца 14 в. и Тактикон Никона Черногорца 1397 г. (с. 61). Наиболее же ярко это влияние проявилось в почерках и орфографии двух бумажных кодексов-сборников 1431 г., один из которых включает Лествицу, а другой — слова Исаака Сирина (с. 66). Для каждой рукописи или для каждой самостоятельной части рукописи отдельно в статье рассматриваются, например, такие признаки, как наличие строчных знаков (запятой), набор знаков акцентуации, написание *жд*, следы среднеболгарского смешения юсов, написание *ятя* на месте носового переднего ряда и др. (всего релевантных признаков описания около 15). Автор полагает, что определяющим в рассматриваемый период было не сербское, а болгарское влияние (с. 77). Поскольку М. Г. Гальченко приходит к выводу, «что новгородская письменность не представляет собой вполне однородной целостности в отношении южнославянского влияния» (с. 79), постольку и от всей русской традиции тем менее можно ожидать такой однородной целостности.

В. В. Калугин обращается к «Литературному наследию князя Андрея Курбского (Спорные вопросы источников)», которое рядом исследователей рассматривается как мистификация разных писателей 17-го в. Признание Курбского от 9-го октября 1571 г. в доверенности своему слуге — «с подписом руки моее властное литеры по латыни писаные, а для того иж сам по-русски писати неумею» — заставляет автора обратиться к изучению вопроса о том, как в представлении древнерусских писателей соотносились понятия «литература и письменность», «книжный и некнижный язык» (с. 84). Автор вполне аргументированно полагает, что слова Курбского на деле означают, «что он не пожелал подписаться скорописью на западно-русском деловом языке», давая понять присутствовавшим, «что они имсют дело со знатной особой» (с. 88). На с. 89–103 рассматривается деятельность эмигрантского литературного кружка Курбского в имении Миляновичи на Волыни, в частности, описывается круг его участников (князь Оболенский, бакалавр Амброжий и др.) и круг переведенных ими книг («Богословие» Иоанна Дамаскина, «Новый Маргарит» — сборник переводов Иоанна Златоуста и др.) с целью

установити текстологичке и хронологичке одношења међу њима и производњима, приписиваемима самому Курбском («История о великом князе Московском»). В основном текстологичке («текстуално сходство» (с. 111) и историчке аргументе используе автор дла атрибуции и датировки других производнеи князя (разделы «Второе письмо царю» (с. 103–110) и «Псевдо-Курбский» (с. 110–126)).

«Проблема соотношения, сосуществования и взаимодействия книжного и устного (фольклорного) элементов в народной духовной культуре» стоит в центре внимания статьи А. Б. и О. Б. Страховых «Русские загадки и традиция Јоса Monachorum». Материалом исследования авторам послужили, с одной стороны, народные загадки, а с другой — средневековые сборники «вопросно-ответной литературы» (с. 135). Особо отмечается, что, восстанавливая судьбу каждой конкретной загадки, исследователь с необходимостью пользуется таким ориентиром, как ее язык, «понимаемый как в узком лингвистическом смысле, так и в более широком — образном» (с. 136). Посему основное внимание в статье уделено «поиску книжных источников языка и сюжетов народных загадок, проблеме опосредующего литературного или фольклорно-книжного звена в цепочке эволюции их образов и, наконец, характер социальной среды, созидающей это опосредующее звено» (с. 137–138). Не имея возможности прокомментировать все рассмотренные авторами факты, упомяну лишь, что анализ такой русской загадки, как *Tатар, татар по горам, Татаруха по низам* («Гром и молния») предлагается осуществлять с учетом того, что греч. τάρταρος нередко переводилось в славянской письменности словом *гроза*, а «дублетность слов *тартарь* и *гроза* при передаче идеи 'ада, преисподней' в переводных памятниках привела к известному отождествлению этих слов и дала возможность использования слова *тартарь* в значении 'гроза'» (с. 139–140). В тексте загадки *Четыре ходаста, два бодаста, Один мухтарь, два ухтаря* («Корова») предлагается видеть формы сигматического аориста 2-го л. двойственного числа и даже утверждается, что «глагольный суффикс (? — А. С.) становится своеобразным показателем 'четности' существительных и числительных» (с. 141); далее приводится коллекция аналогичных инославянских и германских загадок (с. 142), обсуждается славянский формант *-ста* (с. 143–148, причем эта часть несвободна от поспешных выводов и неправильных интерпретаций — например, по мнению авторов, в тексте грамоты болгарского царя Иоанна Срацимира Брашовской общине ... *што ми сте писали и поручали... «сте ... не восходит к пслав. *jъste»...*). Достаточно убедителен вывод авторов о том, что

«той сферой где противопоставление фольклорной и книжной стихий взаимно нейтрализовывалось», был монашеский фольклор (с. 154).

Д. Бэйли исследует «Rhythmical Function of Pleophonic/Non-Pleophonic Pairs in Selected Russian Lyric Folk Songs» и приходит к выводу о соответствии их использования с общим свойством русского языка сочетать полногласные и неполногласные формы (с. 176).

Раздел публикаций открывает И. Шевченко, обратившийся к «Greek Poetic Output of Maksim Grek». После разгромной критики издания двух греческих стихотворений Максима Грека, предпринятого П. Бушковичем и содержащего около 365 (!) ошибок (с. 181–189), автор публикует эти же два и ряд других текстов книжника (с. 190–231, 254–259; факсимиле на с. 260–276), а также выдвигает текстологические аргументы в пользу предположения о том, что Максим Грек сам перевел свои стихотворения на славянский (с. 232–248). В отдельной главе рассматривается деятельность Максима Грека как поэта греческой диаспоры (с. 248–253).

Л. А. Астахина представляет «Описи церквей Онежского Крестного монастыря 1656 и 1657 гг.» (с. 277–286).

А. Б. Страхов публикует в разделе *Speculum* следующую серию «Филологических наблюдений над берестяными грамотами» (с. 287–312), а в разделе *Miscellanea* продолжение «Палеографических догадок» (с. 313–315); обе работы характеризует обилие привлекаемого для интерпретации трудных вопросов палеославистики материала, не позволяющее подробно рассмотреть его в рамках рецензии. Г. Лант предлагает в одной публикации два совершенно различных варианта интерпретации двух последних слов названия «Повесть временных лет»: «(1) the two words function as a semantic unit meaning simply 'of years, лет'; (2) the word *временныхъ* reflects as an old scribal error and must be emended to *временъ* и 'of seasons and, времён и'» (с. 325). С небольшими заметками в разделе *Miscellanea* выступают О. Н. Трубачев (этимология некоторых библейских имен; следует отметить ограниченность источников автора по западной христианской традиции, вследствие которой некоторые построения повисают в воздухе, например, о имени Варавва (ср. наличие игнорируемого в заметке чтения *Jesus Varabbas*)), В. Орел (предположение о наличии в еврейско-хазарском письме из Киева середины 10 в. славянского имени *Гостята* и прозвища *Сирота*), А. Кулик (о гапаксе *настръзающею*), В. Пичугина («Русские фамилии 17 в. с социологической точки зрения»); завершает том резюме мифологической работы Ф. Дж. Оинаса о «спящем ветре».

3. *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Volume 7. Cambridge, Massachusetts, 1999. Editor: Alexander B. Strakhov.

В 1999 г. журнал в очередной раз обращается к проблематике древнерусской «Повести временных лет» — статья Д. Островски посвящена «Principles of Editing the *Povest' vremennykh let*» и открывается безрадостной констатацией того факта, что за истекшие 175 лет так и не появилось ни одного издания памятника, учитывающего все существенные разночтения (с. 5); остается надеяться, что работы самого Островски дадут этот желанный результат. Противопоставляя западную научную традицию «критики текста» («textual criticism») и практикуемую в России «текстологию» (в духе Д. С. Лихачева), автор концентрирует свое внимание на ряде основополагающих принципов первой: 1) краткое чтение предпочтительнее пространного; 2) трудное чтение предпочтительнее легкого («приглаженного», smooth); 3) оригинал может содержать ошибки; 4) общие чтения списков, сделанных в различных географических областях, предпочтительнее чтения, общего для списков из одной области; 5) *stemma codicum* строится на основе простых вариантов и затем позволяет определить первенство более сложных вариантов (с. 7–9). При применении этого набора критериев российская «текстология» оказывается прямой противоположностью западной «критики текста» (с. 9); помимо прочего, в основу изданий российские исследователи кладут «рукопись с полным текстом, ясный (nicely written), предпочтительно из Москвы (центра православия)» (с. 10); более полный список огрехов советских и российских изданий находим на с. 11. Полемизируя с А. А. Шахматовым, С. А. Богуславским и Д. С. Лихачевым, автор предлагает свою стемму ПВЛ (с. 17–19). В финале статьи Островски не принимает предложенных Г. Лантом в этом же журнале в 1997 г. трактовок названия ПВЛ (с. 21–23).

А. П. Толочко в статье «Похвала или Житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании)» убедительно демонстрирует на примере Ипатьевской летописи, «что летописные панегирики умершим князьям в развитом виде не являются целостным и оригинальным произведением, представляя собой более или менее удачную композицию из текстуальных блоков, уже встречавшихся до того в пределах той же самой летописи» (с. 26). К такому же выводу на аналогичном материале Лаврентьевской летописи еще в 1976 г. пришел В. Л. Комарович (с. 33); вслед за М. Чернявским, автор полагает, что «Князь умирает мучеником, потому что изначально вступает на страстной путь своего княжения» (с. 36–37). Кстати, автор статьи явно путает «логический круг» с

«герменевтическим» (с. 34); попадание в последний совершенно не опасно, напротив, нахождение в нем предписывается.

М. Г. Гальченко продолжает публикацию тщательно выполненной статьи «Датированные рукописи Кирилло-Белозерского монастыря первой половины-середины XV в. и проблема второго южнославянского влияния» и приходит к любопытному выводу о том, что писцы пяти разных рукописей усваивали одни и те же «южнославянизмы» и что в монастыре, вероятно, существовала своя традиция книжного письма (с. 59). В Приложении публикуется «Палеографическое и графико-орфографическое описание Канонника 1408 г. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря» (с. 59–63).

А. Шевченко обращается к теме интенсивных церковных и культурных контактов между греками и московской элитой в 17 в. и представляет публике «New Greek Source for the Nikon Affair: Sixty-One Answers Given by Paisios Ligarides to Tsar Aleksej Mihajlovič». Текст, фактически открытый в 1917 г. В. Н. Бенешевичем и содержащий 61 ответ Паисия Лигарида, митрополита Газы, на вопросы царя, наряду с тремя ранее известными его произведениями позволяет пролить свет на ход идеологической подготовки антиниконовского собора 1666 г. На примере трех вопросов и ответов (о епископе, отказавшемся от епархии; о крестном знамении; о причине и целях крашения пасхальных яиц) И. Шевченко демонстрирует, что «на все вопросы, косвенно задевающие Никона, Паисий дает ответы, удовлетворяющие царя. На все вопросы, касающиеся обряда, и представляя выбор между традиционной московской и греческой интерпретацией, он дает ответы в пользу последней» (с. 75). В Приложениях находим английский перевод вопросов в ряда других текстов Паисия, а также его эпиграмму, посвященную царевичу.

О. Б. Страхова в статье «Antiquity and Muskovite Traditionalists in the Seventeenth Century» полемизирует с расхожим представлением о том, что московские интеллектуалы допетровской эпохи не знали античных авторов и не интересовались ими, и доказывает наличие в истории российской культуры 17 в. периода «пассивной рецепции» этой литературы. Известно, что из поездки 1635 г. на Афон за книгами монах Арсений Суханов привез 498 греческих манускриптов, из которых 56 были светского содержания (в том числе тексты Гомера, Аристотеля, Плутарха, Гесиода и др.) (с. 85–88). Анализ содержания каталогов московских библиотек того времени (в том числе и частных) приводит автора к выводу о том, что «традиционалистские круги Московского государства руководствовались концепцией, противоположной вестернизации (если ... смотреть из нашей современной перспективы). Концепция, которую я имею в виду, была концепцией

византизации государства» (с. 95). Огромное количество информации заинтересованный читатель найдет в примечаниях к данной статье (с. 96–115).

К «Исповеданию веры» Яна (Андрея) Белобоцкого — польского шляхтича, перешедшего после приезда в Москву в 1681 г. в православие и оставившего глубокий след в русской культуре своими переводами и оригинальными сочинениями, обращается А. Х. Горфункель. Яростными обличителями Белобоцкого, подозревавшегося в еретических воззрениях, в Москве «были как 'западник', ученик Симеона Полоцкого, Сильвестр Медведев, так и выдающиеся ревнители православия братья Лихуды и монах Чудова монастыря Евфимий» (с. 117). «Исповедание веры», написанное по-польски и переведенное московскими переводчиками на русский (с. 119–120; «сверка показала полное соответствие перевода оригиналу»), было создано по требованию церковных властей практически немедленно после «вопросания о вере» в Патриаршей Крестовой палате. Текст «отражает предшествующий религиозно-богословский опыт странствующего философа», полученный в странах Западной Европы (с. 121), и имеет своей целью «подтвердить в глазах церковных властей [его] правоверие» (с. 122). На текст Белобоцкого Сильвестром Медведевым был написан «ответ», а к последнему Евфимием Чудовским сделаны важные дополнения; «противники вычитывают из «исповедания веры» еретические утверждения и там, где для этого есть известные основания, и там, где оснований нет никаких, кроме желания уличить противника в несогласии с православным учением» (с. 123). В центре внимания оказываются вопросы о *filioque* (и в связи с этим о Никейском Символе веры — с. 123–124), об отношении Белобоцкого к кальвинизму (с. 125), о свободе воли и предопределении (с. 125–128), о всеобщем (вплоть до демонов) конечном спасении всякой твари (с. 128) и др. Очень любопытен раздел о затруднениях оппонентов точно классифицировать вменяемые Белобоцкому ереси, завершаемый признанием А. Х. Горфункеля, что «их, действительно, невозможно подвести под догматику какого-либо из распространенных в Европе 17 столетия исповеданий» (с. 130). Далее следует разбор не замеченных оппонентами 17-го века неортодоксальных взглядов кандидата в православные — осуждение им насильственного крещения «жидовских детей» (с. 131), о предпочтении теологическим умствованиям праведной жизни (с. 131–132) и др. В итоге можно согласиться с А. Х. Горфункелем, что труд Белобоцкого явился «одним из ранних свидетельств проникновения в Россию идей европейского свободомыслия» (с. 135). Интересная дискуссия развернулась в разделе *Miscellanea* между автором статьи и О. Б. Страховой,

которая полагает, что основной целью оппонентов Белобоцкого было определить, к какой конфессии следует его причислить и, следовательно, через миропомазание или через крещение осуществить его переход в православие (с. 343–350).

В разделе Publications А. Б. Страхов продолжает подготовленное покойным М. Ф. Мурьяновым издание «Путятиной минеи на май (10–18 мая)» (с. 136–206) и комментирует его (с. 206–217). Т. П. Лённгрен публикует «Житие Ануфрия Пустынного в автографе Нила Сорского» (с. 218–248), О. Б. Страхова — «О трех богословских добродетелях и о милосердии» Епифания Славинецкого (с. 249–260), а Е. А. Самоделова — материалы из Архива Н. И. Лебедевой о свадебных и праздничных печенях Рязанской губернии (с комментариями А. Б. Страхова) (с. 261–274).

В Speculum-е А. Б. Страхов критически анализирует лингвистический материал, обычно привлекаемый для демонстрации «Новгородских и псковских 'переходов' $ml' > n'$, $tl > kl$, $dl > zl$ » (с. 275–296), а также предлагает новые «Филологические наблюдения над берестяными грамотами» (с. 297–306). Д. Островски, отзываясь на книгу С. Франклина и Дж. Шепарда, задается вопросом «Who were the Rus' and Why did They Emerge?» (с. 307–312) и дискутирует с авторами, занимающими экстремальную «норманистскую» точку зрения.

Как обычно, завершает том раздел Miscellanea, в котором находим заметки Ю. К. Бурмистровича (мнение автора о фонологическом статусе результатов первой палатализации заднеязычных напоминает представления С. Б. Бернштейна); И. Шевченко (об оснащении византийского миссионера), Н. А. Нечунаевой (о языке Миней 11–13 вв.), В. Э. Орла (наблюдения над темными местами древнерусских текстов), Т. П. Лённгрен (о Сборнике житий в литературном наследии Нила Сорского), упоминавшуюся выше дискуссию между О. Б. Страховой и А. Х. Горфункелем и, наконец, заметку Ф. Дж. Оинаса о св. Георгии как духе леса.

Марбург

Андрей Соболев